ADVENTURE PRESS

С. Чернов
Е. Соковенина

СВЕТ! БОЛЬШЕ СВЕТА!

Викторианская медицина с доктором Ватсоном

Светозар Чернов

Свет! Больше света! Викторианская медицина с доктором Ватсоном

«Adventure Press»

2014

Чернов С.

Свет! Больше света! Викторианская медицина с доктором Ватсоном / С. Чернов — «Adventure Press», 2014

Краткий занимательный путеводитель по медицине викторианской эпохи. Доктор Ватсон, опасаясь, что прогресс уведет человечество так далеко, что оно забудет все о своем прошлом, пишет брошюру. В каковой брошюре рассказывает, чем болели и чем лечились викторианцы, какие существовали домашние средства. Как лечили зубы. Какие трудности испытывали санитарные врачи – и многое другое. А знаменитый сыщик Шерлок Холмс вносит некоторые уточнения – и кстати расследует несколько новых дел.Для семейного чтения.

© Чернов С., 2014
© Adventure Press, 2014

Содержание

История об истории. Сто лет назад 6
Волшебный фонарь 7
Телефон 8
Беспроволочный телеграф 9
Электричество 11
Авиаторы 12
Автомобили 13
Прогресс шел семимильными шагами 14
Итак, викторианская эпоха 18
А вещи! 21
Двадцатый век начинается 32
Чем болели викторианцы 44
Конец ознакомительного фрагмента. 48

С. Чернов, Е. Соковенина
Свет! Больше света!
Викторианская медицина
с доктором Ватсоном

Фотографии из архива NewYork Public Library и личных архивов С. Чернова и К. Молдавской

* * *

История об истории. Сто лет назад

К началу двадцатого века было сделано столько открытий в науке и технике, что если бы существовала машина времени, мы бы точно так же услышали от бабушек и дедушек:

«КАКОЕ УЖАСНОЕ ВРЕМЯ! СПЛОШНАЯ ТЕХНИКА! СКОРО ЛЮДИ ПОТЕРЯЮТ СПОСОБНОСТЬ ОБЩАТЬСЯ ПО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИ!»

Викторианские бабушки и дедушки ругали волшебный фонарь, телеграф, телефон, электрические лампочки, дирижабль, автомобиль – в общем, всякие новые, непривычные вещи.

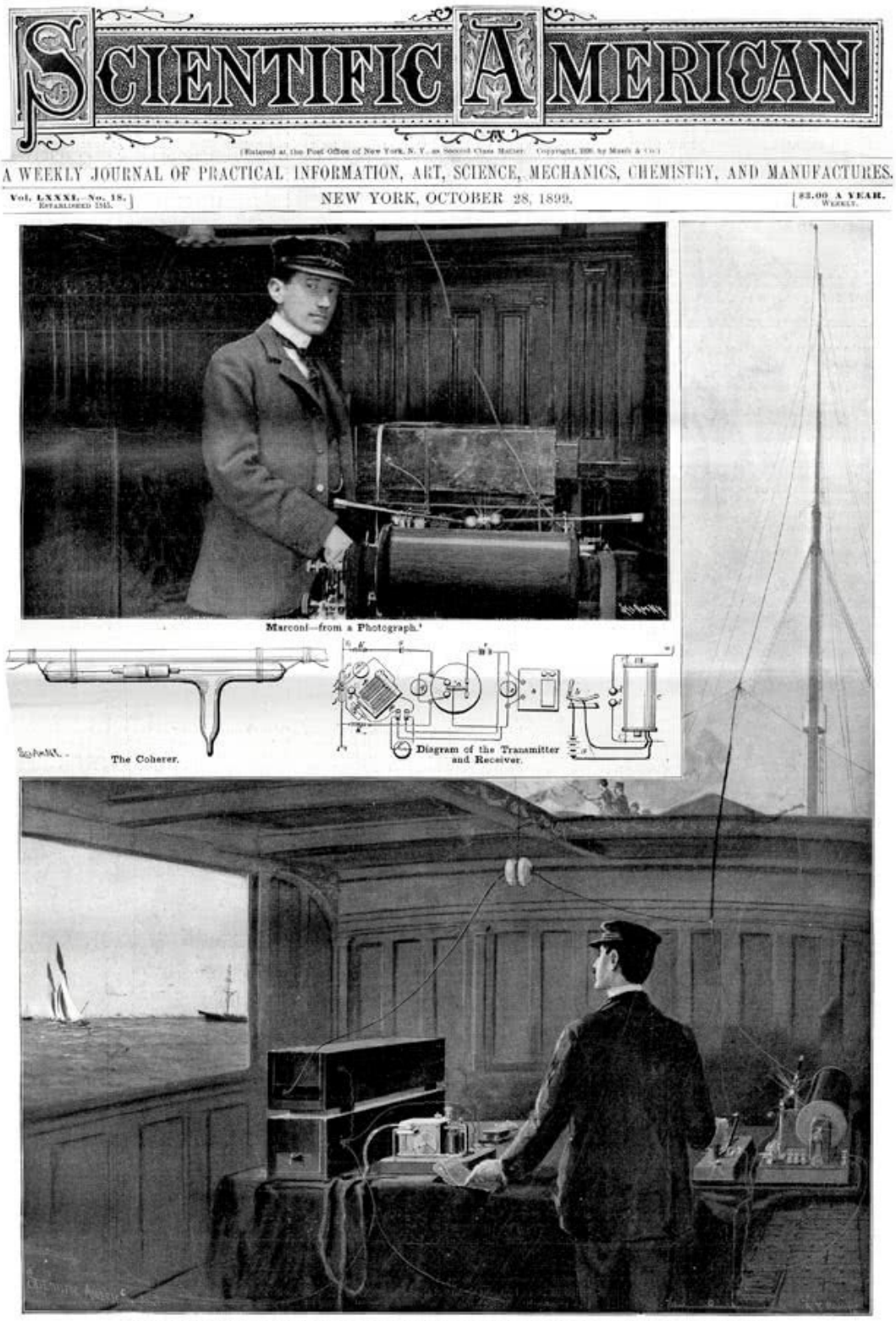
Волшебный фонарь

Волшебный фонарь

Телефон

Телефон

Беспроволочный телеграф



SCIENTIFIC AMERICAN

[Entered at the Post Office of New York, N. Y., as Second Class Matter. Copyright, 1899, by Munn & Co.]

A WEEKLY JOURNAL OF PRACTICAL INFORMATION, ART, SCIENCE, MECHANICS, CHEMISTRY, AND MANUFACTURES.

Vol. LXXXI.—No. 18. [ESTABLISHED 1845.] NEW YORK, OCTOBER 28, 1899. [$3.00 A YEAR. WEEKLY.

Marconi—from a Photograph.

The Coherer.

Diagram of the Transmitter and Receiver.

Operating Room on "La Grande Duchesse," Showing Vertical Wire Leading from Masthead to Transmitter and Receiver.

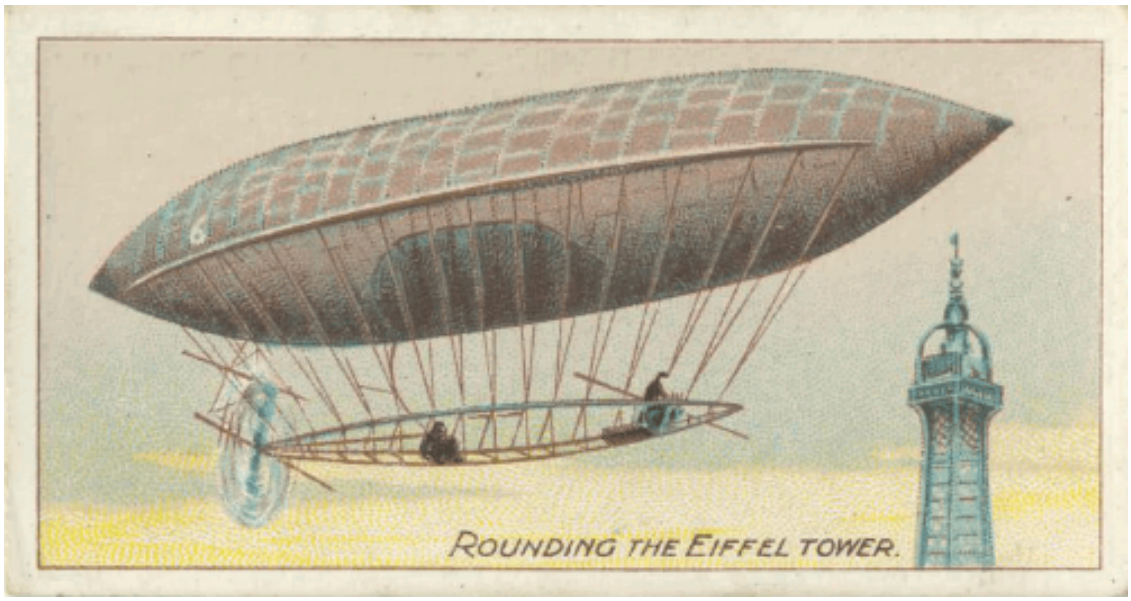
WIRELESS TELEGRAPHY AT THE YACHT RACES.—[See page 279.]

1899 год. Журналы пишут о wireless – беспроволочном телеграфе.
Будущее за беспроводной связью!
Беспроволочный телеграф на яхте: статья в "Scientific American"

Электричество

1890-е. Неравная борьба: газовые компании пытаются воспрепятствовать распространению электрической лампочки Эдисона. Газовые светильники становятся прошлым.

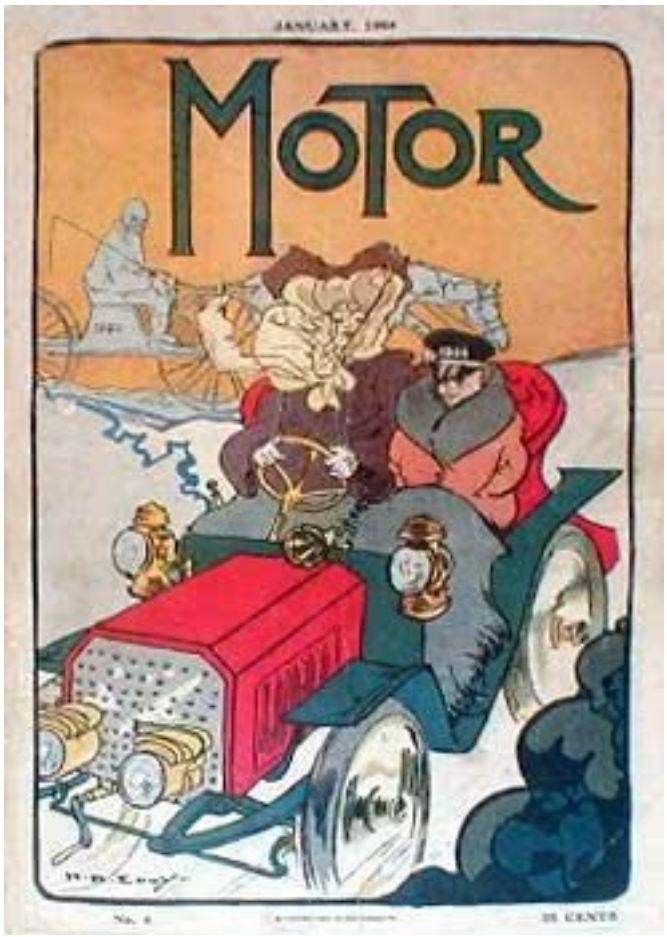
Авиаторы



1899 г.

Пионер авиации Альберто Сантос-Дюмон совершает первый полет на дирижабле вокруг Эйфелевой башни

Автомобили



Поездка на автомобиле, первые годы двадцатого столетия

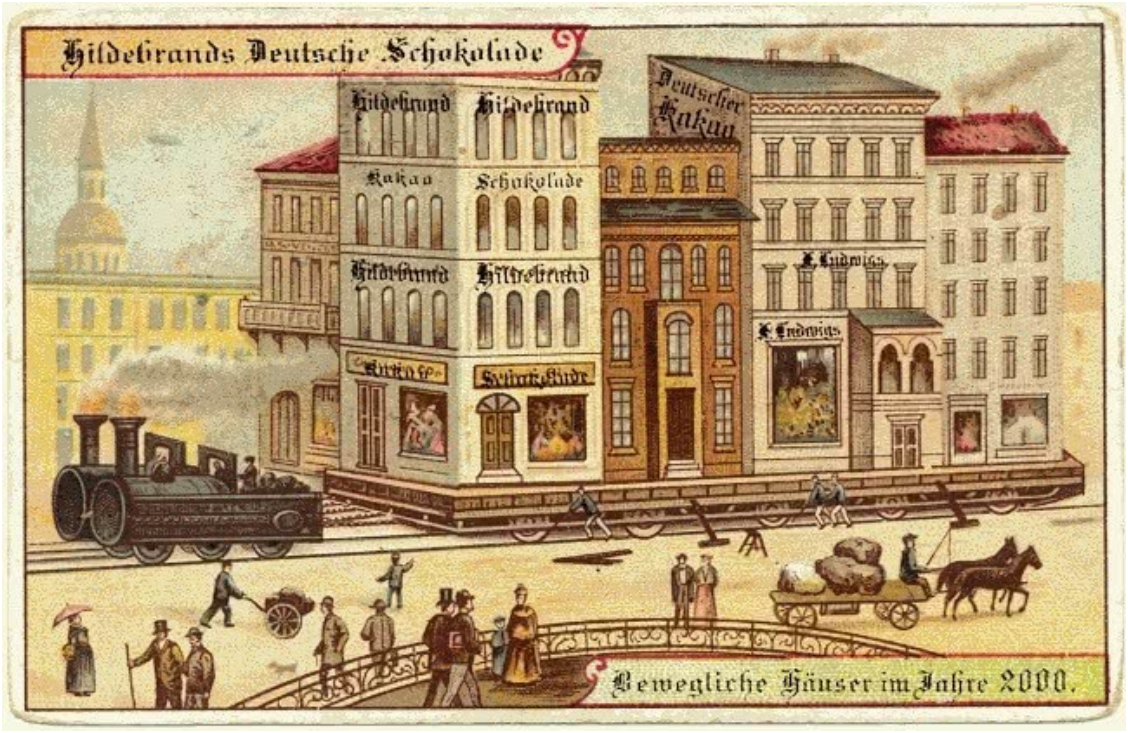
Прогресс шел семимильными шагами

Воображение викторианцев рисовало невероятные картины. Говорили, что скоро дойдет до того, что и в театр-то не понадобится ходить, а можно будет смотреть представления прямо у себя дома – при помощи специальных аппаратов!

Передвигаться станут по воздуху, и у каждого будет персональный дирижабль!

Дамы будут летать за покупками.

По железной дороге можно будет перевозить целые дома.



Пасажиры пароходов смогут любоваться жизнью морских обитателей прямо через палубу.

Так сто лет назад представляли себе наши дни:

Итак, викторианская эпоха

Конечно, викторианской она называется только в Англии, где правила в то время королева Виктория.

Королева Виктория (правила с 1837 по 1901)

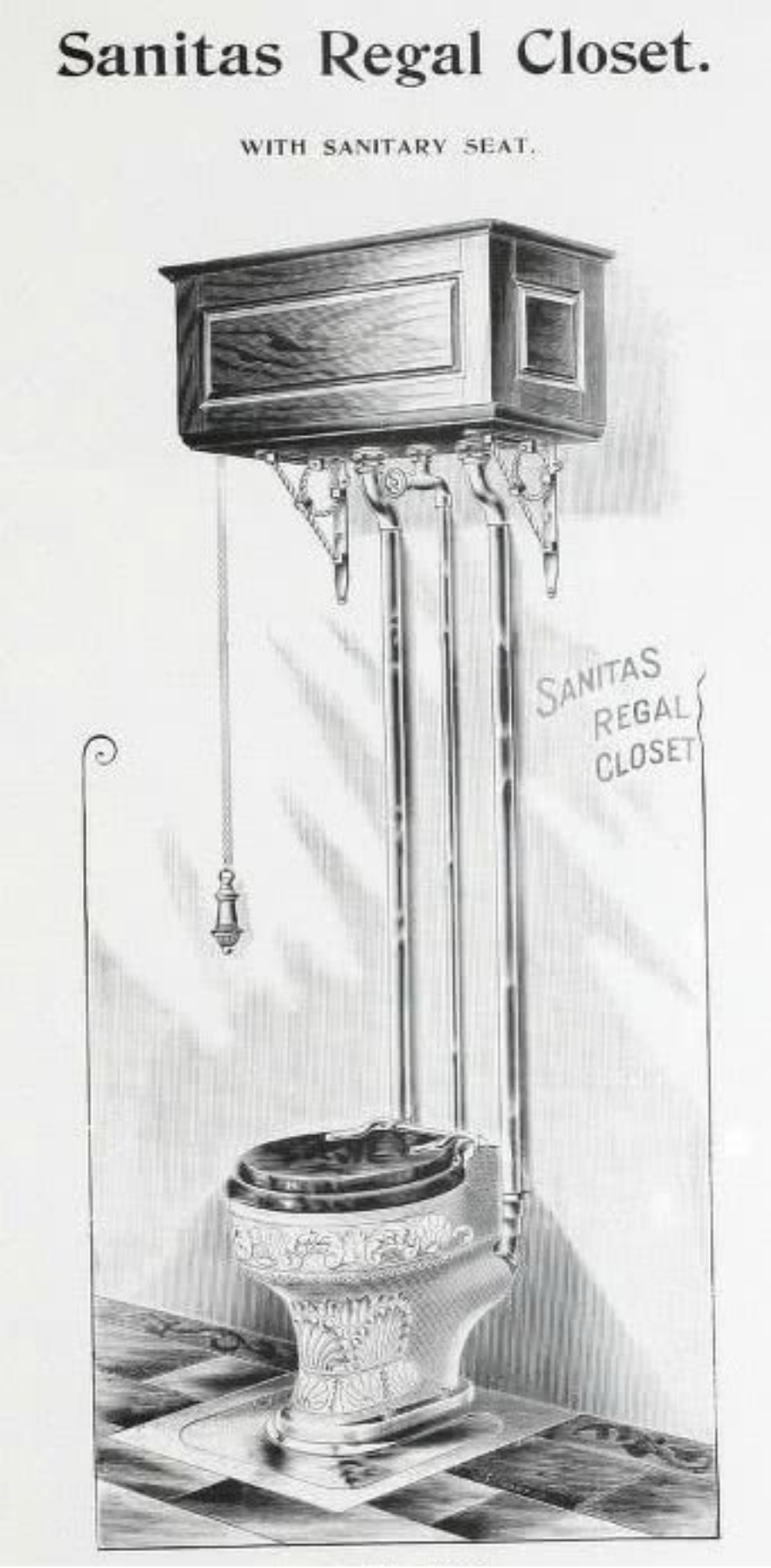
Во всяком случае, викторианская эпоха должна так называться только в Англии. И тут начинаются сложности.

Во-первых, после смерти ее величества настало время, которое называется эдвардианской эпохой. Она очень короткая – всего девять лет правил король Эдуард VII.

Эдуард VII (правил с 1901 по 1910)

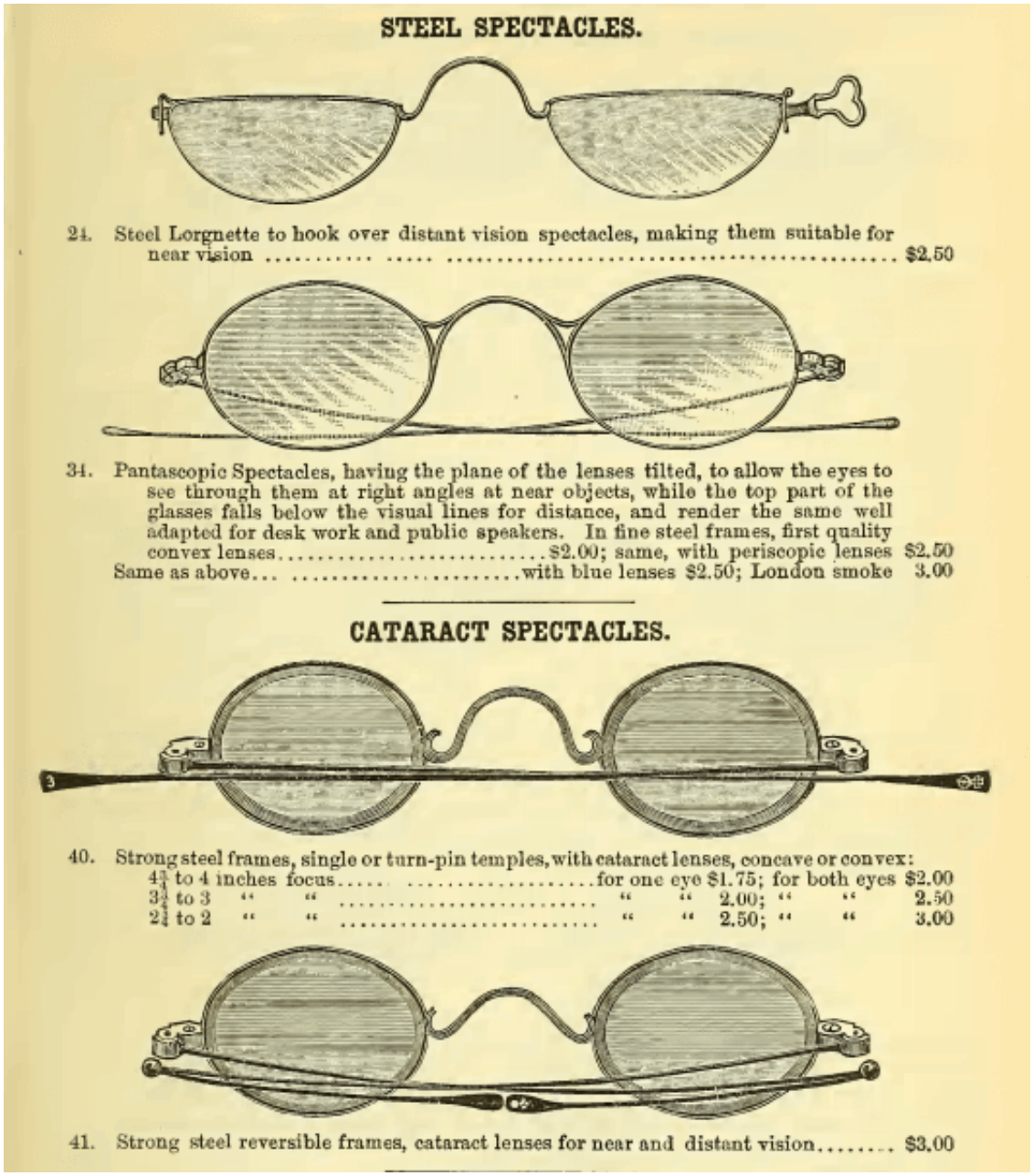
Но упоминают эдвардианскую эпоху нечасто. Почему? Очень просто: дух времени остался прежним, викторианским. Но старый мир стоял на пороге новой жизни. Вот-вот разразится Первая мировая война. Все изменится бесповоротно, потому что война всегда означает: жизнь больше не может идти по-старому.

Во-вторых, если мы захотим сказать «викторианская эпоха», например, во Франции, то окажемся неправы. Ведь там-то никакой королевы Виктории не было! Нам придется сказать по-французски: Belle Epoque. То есть, в переводе, «Прекрасная эпоха». И верно – ни одно время не может похвастаться таким количеством новых явлений, вещей и явлений. Все это, мебель, приборы, аппараты – было сделано очень красиво. К примеру, унитаз. Удивительно красиво расписывали унитазы! Глаз не отвести.


Sanitas Regal Closet.
WITH SANITARY SEAT.
SANITAS
REGAL
CLOSET

А вещи!

Какая была мебель! Какие приборы! Надо было видеть те микроскопы! Очки! Слуховые аппараты!



STEEL SPECTACLES.

24. Steel Lorgnette to hook over distant vision spectacles, making them suitable for near vision $2.50

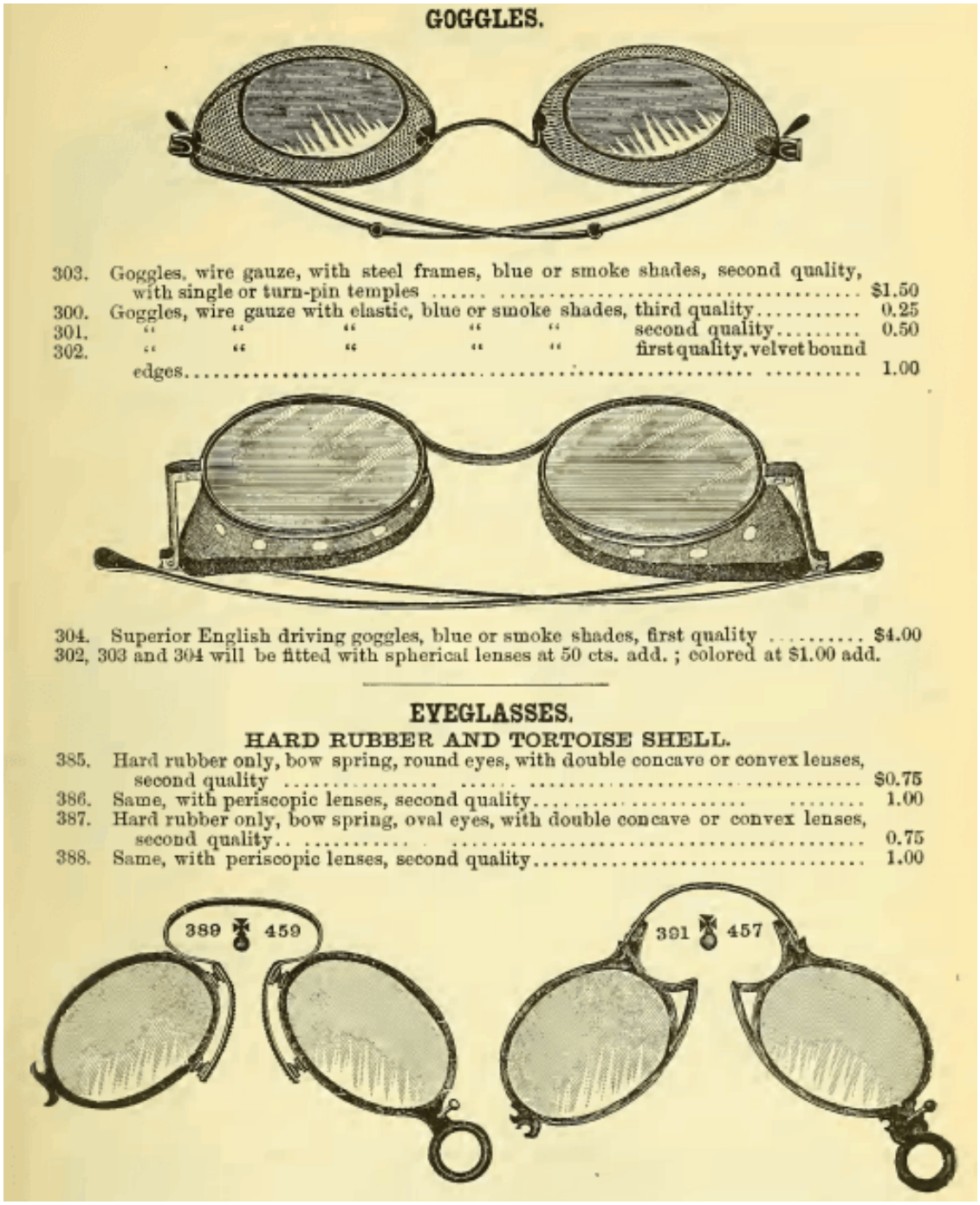
34. Pantascopic Spectacles, having the plane of the lenses tilted, to allow the eyes to see through them at right angles at near objects, while the top part of the glasses falls below the visual lines for distance, and render the same well adapted for desk work and public speakers. In fine steel frames, first quality convex lenses.....$2.00; same, with periscopic lenses $2.50
Same as above.....with blue lenses $2.50; London smoke 3.00

CATARACT SPECTACLES.

40. Strong steel frames, single or turn-pin temples, with cataract lenses, concave or convex:
4¾ to 4 inches focus.....for one eye $1.75; for both eyes $2.00
3¼ to 3 " " ..... " " 2.00; " " 2.50
2¾ to 2 " " ..... " " 2.50; " " 3.00

41. Strong steel reversible frames, cataract lenses for near and distant vision..... $3.00

Очки



GOGGLES.

303. Goggles, wire gauze, with steel frames, blue or smoke shades, second quality, with single or turn-pin temples $1.50
300. Goggles, wire gauze with elastic, blue or smoke shades, third quality 0.25
301. " " " " " second quality 0.50
302. " " " " " first quality, velvet bound edges 1.00

304. Superior English driving goggles, blue or smoke shades, first quality $4.00
302, 303 and 304 will be fitted with spherical lenses at 50 cts. add.; colored at $1.00 add.

EYEGLASSES.

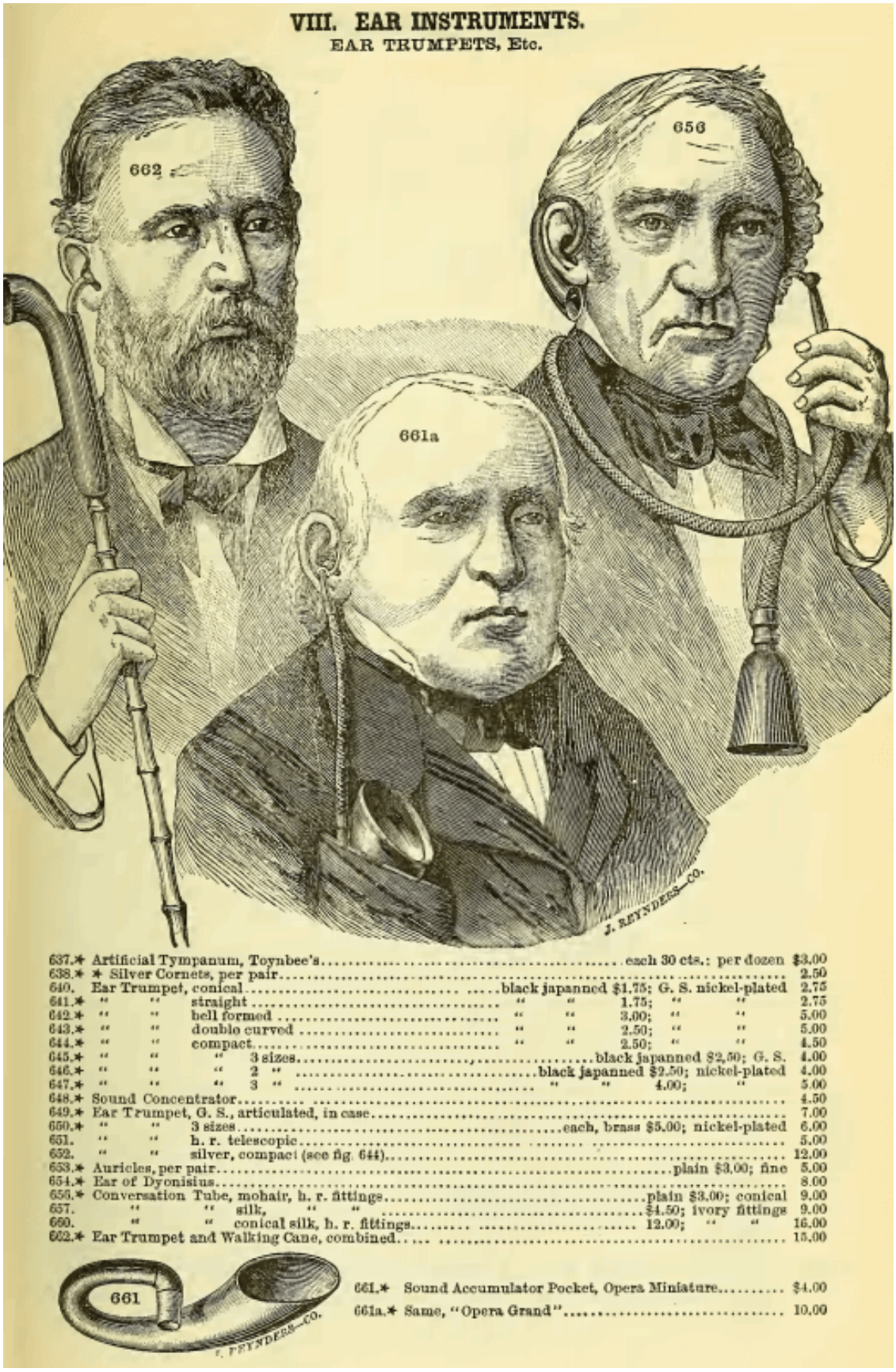
HARD RUBBER AND TORTOISE SHELL.

385. Hard rubber only, bow spring, round eyes, with double concave or convex lenses, second quality $0.75
386. Same, with periscopic lenses, second quality 1.00
387. Hard rubber only, bow spring, oval eyes, with double concave or convex lenses, second quality 0.75
388. Same, with periscopic lenses, second quality 1.00

389 459

391 457

Очки для вождения и пенсне (в резиновой и черепаховой оправе)
Торговый каталог Рейнольдса



Слуховые аппараты в торговом каталоге Рейнольдса

Кстати, большинство этих вещей заказывали по специальным торговым каталогам. Совсем так же, как мы сейчас делаем покупки в интернет-магазинах.

Да и вообще любые аппараты, приборы и что угодно – все было сделано прелестно, очаровательно, magnifique![1]

Хотя бабушки и дедушки, разумеется, так не считали. Но бабушки с дедушками одинаковы во все времена, а в новой жизни было много красивого. До конвейерного производства оставалось еще немножко времени, вещи делались, как следует, служили долго, переходили от деда к отцу, от отца к сыну и становились предметом семейной гордости.

Но что же делать, если мы захотим сказать об этом же самом времени в любой другой стране? К примеру, в Америке. В Соединенных Штатах это время называют Golden Era – «золотой век». Но не всегда. Гораздо чаще все же говорят victorian era – викторианская эпоха. Что, конечно, неудивительно: ведь в Америке, как и в Англии, говорят по-английски. Но все-таки надо сказать, что различий между этими странами гораздо больше. Англия – Старый свет. Америка – Новый. В Англии правит ее величество королева. В Америке выбирают президента. Англия – пожилая дама, известная в европейском обществе своим примерным поведением. Америка – молодая девица, дерзкая и расчетливая.

А что делать в России? В Германии? В Испании или Африке? Как называть это время? Не говорить же, в самом деле, «с середины девятнадцатого века по первые годы двадцатого»!

Вообразите, и в России тоже чаще всего говорят: «викторианская эпоха».

Но… это же безобразие? Это неверно. Ошибка.

Наверное. Но не слишком большая. Фокус в том, что Англия в то время имела огромное влияние на весь мир. В некоторых странах появилась англомания – мода на все английское. Англоманы старались жить «по-английски»: носить английский костюм, пить чай ровно в пять часов, уходить не прощаясь и пуще глаза беречь свою безупречную репутацию.

Но почему?

Да потому, что именно в Англии ярче всего проявились черты того, старого, уклада. Вот они: вера в прогресс и строгие правила поведения.

Человек с безупречным поведением назывался джентльменом, если это был мужчина, или леди – если это была дама.

Честно сказать, все это было немного театрально и совсем не всегда правда.

Тогда зачем это делалось? – спросит читатель.

А затем, что людям очень важно было понимать, что хорошо, а что плохо. Хотя бы в общих чертах. Как правильно и как неправильно. Кто уважаемый человек, а кого не принимают в приличном обществе.

Людям был нужен ориентир.

Примерно так же картине нужна рама.

Однако, сама картина здорово от своей рамы отличалась.

Прекрасные вещи стоили в Прекрасную эпоху дорого. Для небогатых, то есть, для большинства людей, жизнь была не такой уж прекрасной. Правду сказать, она была совсем не очень-то.

Во-первых, все время приходилось бороться за свое существование (этим и сто лет спустя никого не удивишь). Хорошее образование тоже не всем было доступно. (Что? Мы не сказали ничего нового? Ну, ладно). А многие люди вообще не получали никакого образования. Бесплатные школы, конечно, имелись. Но все-таки в небогатых семьях дети шли работать, чтобы не умереть с голоду – кормить-то их было не на что. Так что чаще всего обходились какими-нибудь тремя-пятью классами, а потом отправлялись искать заработка.

И мало того, что существовали всяческие различия между богатыми и бедными. Это разделение, которое многие считали необходимым – иначе какой же порядок? – стало вдруг

[1] magnifique [великолепно, фр.]!

рушиться. Люди ведь вечно ищут, как бы изменить свою жизнь к лучшему. К примеру, человек мог быть богат и знатен – это одна жизнь. А мог быть беден и происходить из самой простой семьи. И это, конечно, совсем другая жизнь. А еще он мог быть богат и незнатен – тоже история. А еще беден и из знатной семьи – совсем запутанное дело.

Как такому жить, если положено, чтобы все было четко и ясно? Кем его будут считать? Аристократ он или нищий?

А если человеку хочется что-нибудь исследовать или, к примеру, писать стихи, а он вынужден грузить уголь или рубить дрова? Или, может быть, человек хочет быть доктором, но его родители всю жизнь торговали баранками? Они же и представить не могли, как это: не хотеть торговать баранками. И еще думали примерно так.

Во-первых, учиться дорого. Где взять денег? Во-вторых, долго. Кто будет кормить этого сумасшедшего, которому фантазии покоя не дают? Пока он там выучится, а? Ну, и потом учиться трудно. А если он не сможет? А если денег на учебу не хватит, и его выгонят? Нет уж, пусть лучше продает баранки, как его отцы и деды! Так оно спокойнее будет.

Словом, люди все время лезли, как сказали бы тогда, на чужое место. Все так перепуталось, что картина то и дело выпадала из рамы. И обратно влезать не хотела, как ни старайся. «Деньги!» – говорили одни. – «Все решают деньги». «Мечта! – возражали им другие. – Человек должен мечтать! Мечты должны исполняться! Иначе зачем все? А ваши деньги ерунда. В будущем не будет никаких денег! Они станут не нужны!». «Прогресс – вот что решает все вопросы! – заявляли третьи. – Правда в науке. Только она по-настоящему справедлива. Наука естественным образом распределит все блага и мы увидим светлое будущее!»

Находились и всякие другие. Кое-кто полагал, что никакого будущего вообще не будет, потому что скоро настанет конец света. Кто-то говорил, что человечество исчерпало себя и вот-вот без всякого конца света вымрет.

Получился большой шум и беспорядок.

Но есть вещи поважнее любого беспорядка: здоровье. Здесь пересекаются и мечты о будущей светлой и счастливой жизни, и научные открытия, и, разумеется, деньги. Перед болезнями все равны – бедные и богатые, поэты и изобретатели, знаменитости и самые обычные люди.

Визит к доктору

Болели много, а средств от многих болезней все еще не было. Вот, например, краткий список того, чего не было:

– Антибиотиков. Первый антибиотик, пенициллин, открыли только в 1929 году, а в массовое употребление он вошел только с началом Второй мировой войны: в первые годы 1940-х.

– Одноразовых приборов: шприцев, пипеток, лопаточек для горла, пеленок. Все это делалось стеклянным, резиновым, деревянным, или металлическим, и после использования кипятилось или обрабатывалось специальным стерилизующим раствором – и, между прочим, к тому времени это было немалым достижением.

– Вакцин от полиомелита, туберкулеза, кори, столбняка. От гепатита и дифтерии. И еще от массы разных болезней.

Ужас какой-то, скольких совершенно необходимых вещей все еще не было!

Люди умирали или оставались калеками от болезней, которые в наше время излечиваются за неделю-две. Например, от воспаления легких или даже от гриппа. То и дело вспыхивали эпидемии – и тогда болели целыми улицами, городами, деревнями.

Не все дети доживали даже до десяти лет, заразившись инфекциями, от которых не было средств.

А еще викторианцы не очень хорошо умели лечить зубы. Хотя и очень старались.

Зато был пластырь телесного цвета и красивые жестяные коробочки для пилюль.

Жестянка с пилюлями хинина

Да и вообще медицинские приборы, инструменты и всякие приспособления были красивыми – даже зубоврачебные кресла.

На то она и Прекрасная эпоха.

А еще были шарлатаны.

Глядите, это он!

Шарлатанов было много. Люди, выдающие себя за докторов, торговали средствами от всего и для всего. Иногда они просто давали рекламу в газеты, а иногда устраивали целые медицинские шоу: нечто среднее между передвижным цирком и аптекой. Честное слово!

Передвижное шоу д-ра Тикки. Лекарства от всего, скупка-продажа подержанных зонтов, крысиный яд и другие полезные вещи! Только сегодня и только у нас! Доктор Тикки выступит с лекцией! Торопитесь!

По городам колесили фургоны с цирковыми артистами, танцовщицами и дрессированными животными. Или атлетами. Или карликами. Или великанами. Или усатыми женщинами. А то даже и со всеми сразу.

Шарлатаны помельче предпочитали передвижную лавку со всякой всячиной: там, среди средств для травли крыс, чистки обуви и столового серебра, между зонтиками и плетеными корзинками для хлеба, между шнурками и лентами, и специальным устройством для сбережения превосходно завитых усов джентльмена, когда джентльмен пьет чай, лежало специальное патентованное мыло, возвращающее коже сияние юности и оберегающее от всех болезней; шоколадные пилюли от расстройства желудка, ревматизма и слабоумия, специальные ночные накладки для исправления формы носа – и так далее, и тому подобное. А еще в большой моде было все электрическое – ведь электричество появилось не так уж давно. И шарлатаны продавали электрические корсеты, электрическое масло, электрические стельки – все электрическое, возвращающее молодость, красоту и здоровье, и заставляющее слепых бегать, а хромых – говорить.

Это было страшно смешное время. Сейчас мы туда отправимся.

Но чтобы совершить прогулку по викторианской эпохе – в ее широком смысле – нам нужен сопровождающий. Викторианец.

Может быть, сама королева Виктория? Пожалуй, нет. Простите, ваше величество, но ведь мы говорим о медицине. Значит, нам нужен врач? Правильно. Но врача недостаточно. Наверное… наверное нам подошел бы еще сыщик – викторианская эпоха таит в себе много секретов.

НУ, ТОГДА ВСЕ СОВСЕМ ПРОСТО.

Есть два персонажа, которые не меньше королевы могут считаться символом викторианского времени. Люди, которых знают и любят дети и взрослые. Бабушки и дедушки. И даже тетушки и дядюшки редко остаются к ним равнодушны.

Это знаменитый сыщик Шерлок Холмс:

И его друг доктор Ватсон:

Безукоризненные джентльмены – помогающие, как и положено, всякому попавшему в беду. Люди, умеющие разобраться в любой запутанной истории. Воплощение здравого смысла.

Пойдемте, посмотрим, как идут дела на Бейкер-стрит.

Двадцатый век начинается

Пролог

Однажды доктор Ватсон сидел в своей комнате на Бейкер-стрит и писал.

Писал он вот что.

«Сегодня, 29 декабря 1899 года я держу в руках всего лишь небольшую брошюру. Возможно, сто лет спустя она не произведет того грандиозного впечатления, которое произвела на меня и многих моих современников. Эта небольшая вещь озаглавлена: «Х-лучи. Их получение и применение».

Влияние рентгеновских лучей на живую ткань, их использование в геологии, минералогии, ботанике и зоологии, наконец, в фотографировании, – вот только малая часть того, о чем рассказывается там. Примечательно, что все описанное – не утопия, не теории относительно того, какой будет наша наука через двадцать, пятьдесят или сто лет, а дело самого ближайшего будущего! Осталось совсем немного. Один шаг – и в каждой научной институции, в каждой больнице…»

Но доктор Ватсон не успел закончить свою смелую мысль – за дверью раздались выстрелы. Доктор уронил кляксу и уныло бросил на испорченный лист промокашку. В комнату вошел знаменитый сыщик.

– Холмс! – подскочил Ватсон. – Опять вы изводите патроны! Как будто они даются нам даром! Вы продырявили все стены и все двери вензелем королевы! Вы же взрослый человек. Возьмите себя в руки!

– А, Ватсон, – Холмс сунул в карман халата револьвер – у него кончились патроны. – И у вас все по-старому? Мне скучно, дорогой друг. Преступный мир катится в тартарары. Совсем скоро развитие науки и техники сделает раскрытие преступлений делом, с которым справится даже ребе… Что это?

Не спрашивая разрешения, он схватил брошюру, лежавшую на столе доктора.

Свет! больше света!

– было написано там.

«Профессору Вильгельму Конраду Рентгену,
первооткрывателю новой формы радиации,
которому мировая наука обязана столь многим
автор смиренно посвящает свой труд».

Профессор Вильгельм Конрад Рентген (жил 1845–1923).

Немецкий физик. Открыл новый вид излучения – Х-лучи, получившие название рентгеновских. Лауреат Нобелевской премии.

Автором брошюры значился некто Колль, Фредерик Стрендж, доктор медицины, радиографист, член Медицинского общества графства Кинг, Бруклинского Патологического общества, общества выпускников Лонг-Айлендского колледжа и Медицинской Ассоциации графства Кингс, из Бруклина, Нью-Йорк.

– Хм, – заметил сыщик, прочитав все это.

Доктор Ватсон очень разволновался.

– Дорогой Холмс, – произнес он, – я сегодня был на нашем ежегодном собрании афганских ветеранов в Нетли. Вы не поверите, что там показывали!

С этими словами он взял в руки брошюру.

– Чудо современной полевой техники – удивительный диагностический аппарат. С его помощью становится возможным изучение анатомии, определение состояния сломанных костей, установление и диагностирование внутренних болезней, положение ребенка в утробе матери…

– Прекрасно, прекрасно, – одобрил Холмс.

– Этот аппарат, – продолжал Ватсон, – позволяет видеть пулю даже без зондирования. С его помощью можно выяснить, где она находится, на какой глубине залегает, точно определить, ушла ли она из раны или осталась, и вообще, это невероятно. Кроме того, там показывали всякие штуки вроде золотых монет, которые считали в бумажнике, и тому подобное. Представляете?

Шерлок Холмс пробормотал что-то неразбочивое и вышел.

– Какой же вы, Холмс… сухарь! – воскликнул Ватсон, но, впрочем, тут же углубился опять в работу.

* * *

Утром, 31 декабря 1889 года знаменитый сыщик Шерлок Холмс проснулся, потянулся и немедленно побежал в гостиную. Там, у окна, стояла большая елка, на каминной полке лежали свертки с подарками, а рядом стояли миссис Хадсон с доктором Ватсоном.

– С Новым Годом! – закричали они.

Лица у них были такие светлые, такие торжественные, что Холмс не удержался. В глазах его блеснули слезы.

– Давайте же откроем подарки, друзья мои! – произнес он, и, не слушая возражений, что еще слишком рано, первым полез в свой сверток.

Там были прекрасные запонки и перчатки, дюжина носовых платков с котятами, великолепный бронзовый носорог, тигриный клык в серебряной оправе и новый блокнот. Перстень с изображением мухомора и мешок пряников. Бутылка бристольского портвейна и к ней коробочка лакричных леденцов. А также небольшая клизма.

– Мило, очень мило, – произнес знаменитый сыщик. – Спасибо, дорогая миссис Хадсон! Спасибо, мой дорогой Ватсон! Вы помните, что я люблю лакрицу! Как приятно!

Доктор Ватсон тоже успел посмотреть свои подарки. Он ничего не сказал. В его чулке лежала только маленькая баночка маринованной селедки.

– Дорогой Ватсон, – Холмс забрал у него жестянку и с торжеством потряс ею, – вы знаете, что анчоусы – это, по сути, так называемая русская сушеная рыба vobla, замоченная в оливковом масле? Сельдь килечного посола, маринованная на датский манер. Все это я узнал на расследовании одного забавного дела в Ярмуте.

– Что это за дело в Ярмуте? – с неудовольствием спросил доктор.

– Расследование дела о хищении гигантского количества селедок. Русская шхуна "Cabba"…

– С Новым Годом, Холмс, – тихо произнес Ватсон и хотел уйти в свою комнату, но ему не дали.

– Миссис Хадсон, вы настоящее золото! – воскликнул знаменитый сыщик. – Никто так не умеет хранить секреты, как вы! Ватсон, стойте! Пойдемте же теперь в чулан!

– Не хочу я в чулан, – горько сказал доктор.

– Ватсон! – сыщик схватил его за рукав. – Я лишний раз убеждаюсь, что вы настоящий бол… что мой подарок вам просто необходим! Идемте скорее, вы же его еще не видели!

– Ваш подарок никуда не влезал! – добавила миссис Хадсон.

Тут только доктор все понял и страшно обрадовался.

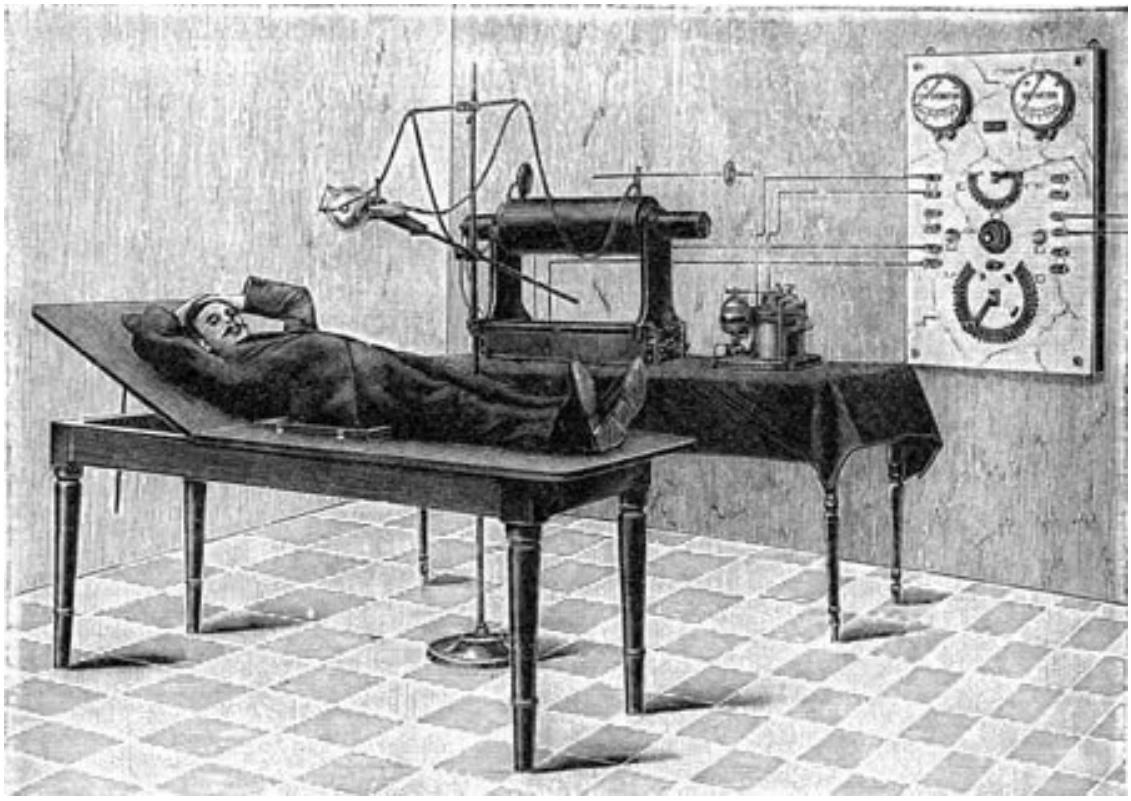
– Ах, Холмс, а я-то плохо о вас подумал! – произнес он с чувством.

– Стыдно, Ватсон, – укорил Шерлок Холмс. – Вы же меня знаете. Ну, идемте.

Миссис Хадсон отперла чулан, в котором хранился всякий ненужный хлам, и вот что увидел доктор.

Он увидел стол, крышка которого состояла из трех частей: одна из этих частей была поднята и подпиралась стальным каркасом. Увидел другой стол, со странным цилиндрическим прибором, и мраморный щит на стене. На этом щите располагались два циферблата, тумблер, кнопка и несколько переключателей. Осмотрев все это, доктор повернулся к своему другу.

– Вообразите, – Холмс указал на стол, – вот лежит пациент. Верхняя часть его тела немного приподнята. Под ним фотографическая кассета.



Рентеновский аппарат, первые годы двадцатого века

– Значит, мы не станем просвечивать его тело, а сразу же сделаем фотографию?

– Да, это очень быстро и почти безопасно.

– Но… – Ватсон засомневался. – А вы умеете этим пользоваться?

– О, да, электрик мне все объяснил. Все чрезвычайно просто. Вот это, – Холмс показал на стену, – высоковольтный распределительный щит. Этот тумблер, – тут сыщик с удовольствием пощелкал эбонитовой ручкой, – называется реостат. Большая кнопка посередине – пуск. Вот это гигантское цилиндрическое сооружение и есть основная спираль, которая повышает напряжение – та самая знаменитая спираль Румкорфа, она же преобразователь. А прямо над пациентом высокоразрядная лампа, которая и порождает так называемые Х-лучи. Все.

Ватсон молчал.

– Что же вы, доктор? – спросил знаменитый сыщик. – Не рады?

– Я очень тронут, Холмс! – пробормотал доктор Ватсон. – Очень! Но, право, не стоило так… не стоило так тратиться!

– Пустяки, – махнул рукой Шерлок Холмс. – Лорд N весьма кстати прислал мне чек. Помните то маленькое дело со сбежавшей невестой? Но что это? Ватсон! Я вижу, что вы не рады!

– Да-да, – промямлил Ватсон, – это великое открытие. Настоящий прорыв в науке.

– Нет, вы не рады, – обличил великий сыщик. – Складки на вашем лбу говорят мне, что вы чем-то крайне озабочены, а ваш взгляд выдает смущение. Я сказал бы, что вы готовы провалиться сквозь землю.

– Э… э… нет, Холмс, нет! Я очень тронут. Но…

Шерлок Холмс поднял палец.

– Милый друг мой, – наставительно произнес он. – Вся медицина нашего времени, вся диагностика – все построено на одном только выслушивании и выстукивании. Только так возможно обнаружить увеличение или опухоль печени, почек, селезенки, шумы в сердце, определить хрипы, затемнения или недышащие сегменты в легких. Военному хирургу – врачу более примитивной степени, вот как вы – более всего свойственен метод прощупывания, то есть, пальпации живота с целью определить, что там происходит. Я не хочу говорить вам прямо, но представьте себе, как не помешала бы нашему другу Лестрейду такая специальная машинка, которая сразу бы писала на телеграфной ленте: «Убийца – некий Н. Дж. Хопкинс, проживающий по адресу: Каледония-роуд, Н. В.».

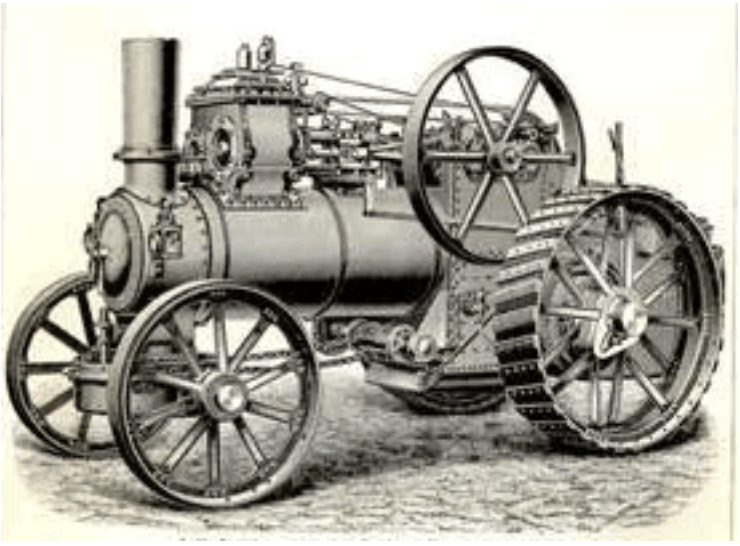
– Ну? – глупо спросил доктор.

– Что «ну», Ватсон? Это механизм для неучей. Он облегчает жизнь. Вы меня понимаете?

– Да, но…

Но тут миссис Хадсон щелкнула эбонитовым выключателем и лондонцы остались без света от Оксфорд-стрит до Гайд-парка, и от Портман-сквер до Сент-Джонс-вуд. Ссловом, по всей территории «Северо-западной электрической компании». Погасли люстры, торшеры и настольные лампы. Ночники, светильники и лампочки в уборных. Умолкли телефоны. Перестал работать телеграф.

– Видите ли, Холмс, – говорил в темноте доктор, – дело в том, что рентгеновский аппарат представляет собой устройство чудовищной мощности. Именно в этом причина его пока еще небольшого распространения. Чтобы вырабатывать нужное количество электричества, нам потребовалась небольшая велосипедная рота. Которую, правда, мог бы заменить паровой локомобиль. Хм.



Паровой локомобиль

– Хм, – тоже сказал знаменитый сыщик, – да. Я потратил на это устройство все наши деньги, так что извините, Ватсон, с локомобилем придется обождать.

Доктор зажег свечу и оглядел устройство еще раз. Да, это был прекрасный аппарат!

– Знаете, Холмс, – сказал доктор, – я иногда думаю, как вы высокомерны. Неужели вам не приходило в голову, что должны быть веские причины, по которым такое необходимое людям устройство, существующее, кстати, уже шесть лет, все еще мало используется?

– Вы хотели сказать: «Какой вы болван, Холмс«!?

– Нет, что вы, нет!

– Не отпирайтесь, дорогой Ватсон, да!

– Оставьте свои инсинуации!

– Я сейчас вас кочергой тресну!

Пока они ругались, внизу постучали в дверь. Миссис Хадсон пошла открывать.

– К вам посетитель! – заявила она.

В ГОСТИНУЮ НА БЕЙКЕР-СТРИТ ВОШЕЛ ВЫСОКИЙ, ХУДОЙ, СОВЕРШЕННО ЛЫСЫЙ, НО ЧРЕЗВЫЧАЙНО УСАТЫЙ ЧЕЛОВЕК.

Он сказал:

– Я знаменитый коллекционер редкостей профессор Штеленбош. Фы должны мне помотш.

– А в чем дело? – спросил его Шерлок Холмс.

– Исчез величайший редкость, – сообщил профессор. – Точный ее ценность не берется определить ни один эксперт. Volens-nolens приходится продавайт по приблизительный стоимость.

– Подождите, профессор, – остановил его доктор Ватсон. – Так эта вещь продается?

– Она есть украден! – воскликнул Штеленбош и зарыдал. – Какой величайш трагедий и драм!

– И мелодрам, – шепнул на ухо доктору Шерлок Холмс.

А вслух сказал так:

– Однако, дорогой профессор, если вы станете плакать вместо того, чтобы описать свою пропажу, мне будет очень трудно вам помочь.

– О! – профессор вытер слезы своими длинными усами. – Найн, найн! Я не могу! Это есть чрезвычайно секретный коммерческий тайн!

– Ну, хотя бы в общих чертах, – предложил, дымя трубкой, знаменитый сыщик.

– В двух, так сказать, словах, – прибавил доктор Ватсон.

– Найн, найн! – запротестовал профессор. – Это нефосможно! Вы ест великий сыщик, вы помочь мне так!

И он повертел руками.

– Так? – переспросил Холмс. – А! Вы хотите сказать, моим дедуктивным методом? Хорошо.

И он стал задавать вопросы:

– Это большая вещь?

– Найн, найн!

– Ее едят? Нет? Тогда ее пьют?

– Ни ф коем случае! – возмутился профессор Штеленбош.

– Это красивая вещь?

– О, йа, отшень!

– Тогда, может быть, ее носят на шее? Нет? На руке?

Профессор подумал.

– При некоторых обстоятельствах… это фосможно.

– На пальцах?

– О, найн!

– Хм-хм, – знаменитый сыщик задумался. – А скажите, профессор, когда вы видели эту вещь в последний раз?

Профессор долго размышлял. Брови его страшно шевелились.

– Я фидел мой пропажа последний раз, – с большой осторожностью начал он, – о-о? Э-э? А! Я ее фидел у себя дома!

– И как давно?

Штеленбош подозрительно оглядел Холмса, потом Ватсона, потом миссис Хадсон. По-видимому, в вопросе таилась какая-то опасность.

– Я есть фидел мой феличайший ценност сегодня за зафтраком!

– Может быть, потом вы отдавали вашу ценность в починку? Ювелиру? Оценщику?

– Найн. Никокта! Она ест и должна быть только мой дом.

– За завтраком, кроме вас, кто-нибудь присутствовал? – спросил Холмс.

– Только мой жена!

Шерлок Холмс откинулся на спинку стула и прикрыл глаза. Прошла минута.

– Дело раскрыто! – объявил знаменитый сыщик. – Профессор, вы меня извините, но придется подвергнуть вас некоторым исследованиям.

И он продемонстрировал профессору клизму.

– Вы хотите сказайт. – профессор вопросительно ткнул себя пальцем в живот. – О, найн!

– Да, голубчик, да, – с улыбкой произнес Холмс.

Он опять прикрыл глаза и проговорил задумчиво:

– Сегодня за завтраком вы ели яичницу из двух яиц с горошком. Небольшой ценный предмет находился у вас в кулаке. Ваша жена, дама очень бережливая и аккуратная, пересчитала горошины и разделила их поровну. Однако, вы, съев свою порцию и ощущая все еще чувство голода, отвлекли ее внимание. Возможно, вы показали ей на часы. Часы висят у окна, справа от обеденного стола. Когда мадам Штеленбош повернула голову, вы, не теряя времени, утащили у нее с тарелки горошину и быстро сунули ее в рот. Во рту у вас в это время находилось и ваше сокровище, потому что вы очень боитесь своей супруги, и не хотели, чтобы она видели эту вещь. Кроме того, вы очень спешили. Вы проглотили сокровище вместе с горошиной. Вот и все. Ватсон, поставьте ему клизму.

– Как вы может это утверждать? Я требует доказательстф!

– Все очень просто. Первое – ваша одежда в идеальном порядке, хотя ее возраст внушает почтение. Все вещи дорогие, за ними следят много лет и тщательность ухода выдает женскую руку. Кроме того, брюки сделались вам несколько коротки. Из этого я делаю вывод, что существует дама, заботливо отрезающая от них бахрому, которая образуется от долгой носки, и столь же аккуратно подрубающая штанины после этого. Прекрасная работа. Ваша супруга поистине мастерица. Второе. Аккуратность вашей жены выдает фанатичную склонность к экономии. Третье. Ваша почтенная супруга столь же тщательно следит за всем в доме, включая и вас. Об этом говорит ваш нервный тик – правый глаз судорожно дергается, и ваша подозрительность. Когда вы садились, то обнаружили, что ваша правая рука влажная, и потихоньку вытерли ее о кресло, хотя могли достать платок. Это говорит о вашей привычке действовать незаметно.

– Но как вы узнать про двух яиц? Про то, что я ест горошек на завтрак!

– Обычный английский завтрак – вкусная яичница с беконом, – улыбнулся сыщик. – Полагаю, бекон в вашем случае представлен бараниной?

– Это дешевле! – подтвердил профессор.

– Баранина у вас бывает только по субботам, а другого мяса вы не употребляете, – продолжал Холмс. – Яичница из двух яиц вполне обычна для бережливой семьи. Это естественно. И, наконец, горошек – самый дешевый, хотя и не самый вкусный гарнир.

– Но мой часы! Как вы знать про часы? Вы следить за мной!

– Нет, профессор. Обеденный стол в вашем доме, как и во многих других домах, стоит у окна. Часы висят напротив, над камином. Легко предположить, что вечное желание увеличить свою порцию подсказало вам занять место спиной к окну – так, чтобы ваша супруга оказалась спиной к камину. Вопрос: «который теперь час, дорогая?» – удобный способ заставить ее отвернуться. И, наконец, ваша привычка прятать мелкие вещи в кулаке. В настоящий момент у вас в кулаке моя серебряная запонка с янтарем. Ай-яй-яй, а еще профессор! А ну, давайте ее сюда!

Собиратель древностей рассердился.

– Вы не имейт права! Я есть окончил Рижский техникум-университет! Das Baltische Polytechnikum zu Riga! У меня есть высший коммерческий образофаний!

– А также некоторая наклонность к клептомании[2], – завершил свою мысль Холмс. – Об этом, конечно, осведомлена ваша жена. Это и есть та причина, по которой вы не стали хранить сокровище в кармане? Естественно. Следовательно, оно досталось вам не совсем честно.

Профессор хотел возразить, но его перебил сыщик.

– Думаю, – продолжал он, – его прежний владелец – близкий знакомый или родственник вашей жены.

Холмс окинул профессора проницательным взглядом.

– Этот человек приходится вашей жене дядей. Думаю, что не ошибусь, предположив, что он – прусский регианс-президент фон Холодетц.

– Вы дейстфительно фелики…

От изумления профессор открыл рот, но сыщик махнул рукой.

– Это написано в справочнике. Я только припомнил, что видел там вашу фамилию. Итак, дядя вашей жены. Ваш главный покровитель. Только благодаря этому человеку ваши векселя чего-то стоят. Конечно, если ваш поступок станет известен, неизбежен скандал.

Холмс подумал еще и сказал:

– Ну, хватит. Миссис Хадсон, нам понадобится горячая вода! Ватсон, скорее клизму.

– Найн! – зарыдал профессор. – Я не могу это позволитт!

– Но герр профессор, – попробовал его успокоить доктор Ватсон, – это обыкновенная процедура. Совсем не больно!

Однако, коллекционер не успокаивался. Уговорить его не удавалось ни доктору, ни миссис Хадсон, ни даже Шерлоку Холмсу.

– Ви ест фелики сыщик! – твердил Штеленбош. – Ви найдет лучший спосоп!

Уходить он тоже отказывался и все бродил по дому, ноя, жалуясь и требуя, чтобы спасли его сокровище. До полуночи оставался всего какой-нибудь час, как вдруг, Холмс воскликнул:

– Есть! Действительно есть способ! Я нашел его! Миссис Хадсон, прошу вас выключить все электрические приборы. Погасите свет в уборной. Почему у нас вечно забывают гасить свет в уборной?

– Вы, сэр, были там последним! – попробовала возразить миссис Хадсон.

– Неважно! – отмахнулся Холмс. – Скорее выключайте свет и пойдемте в чулан!

– Найн! – закричала уже миссис Хадсон (она очень устала и запуталась). – Нет! Я не позволю!

[2] Клептомания (греч.) – болезненное желание красть, часто всякую мелочь, без всякого смысла.

Но знаменитый сыщик обнял ее за плечи и ласково произнес:

– Голубушка миссис Хадсон, по моим подсчетам мы выиграем не меньше двух минут, прежде, чем неизбежное настигнет нас во второй раз. Этого времени должно хватить.

– Нет, нет! Нельзя! – миссис Хадсон раскинула руки и закрыла собой аппарат. – А вам, профессор, должно быть стыдно! В вашем возрасте – и так бояться простой медицинской процедуры!

Профессор Штеленбош заволновался. Он отступил назад, споткнулся о кресло и с грохотом повалился, задрав свои длинные ноги. Миссис Хадсон тоже испугалась и бросилась узнать, все ли с ним в порядке.

А пока происходил весь этот бедлам, Холмс успел включить аппарат.

– Скорее! – закричал он. – Давайте сюда профессора!

Профессора подтолкнули, содрали с него сюртук, жилет, рубашку. Затем устроили профессорское туловище над фотографической пластиной, направили на него лампу – и глазам присутствующих предстала картина: белые профессорские кости, смутно-темные очертания вокруг и посреди темноты – маленький, тоже очень белый предмет.

– Это же мышь! – поразилась миссис Хадсон.

– Это есть коммерческий тайн! – запротестовал профессор Штеленбош. – Я не давайт своего разрешений обсуждать!

Это и правда была крошечная, размером не больше вишни, статуэтка мыши.

– Чистое золото, я полагаю? – поинтересовался Шерлок Холмс.

– Золото, бриллиант, где глазки, рубиновый ножки, – не удержался от хвастовства профессор. Я найти этот вещь в индийский царский гробниц. Никто не должен знать, вы понимайт?

– Конечно-конечно, – пробормотал доктор Ватсон.

– Я должен дать мой супруга телеграмм! Пустите меня давайт телеграмм!

Но не успел Штеленбош произнести эти слова, как экран погас, аппарат выбросил сноп искр и воцарилась тьма.

– Ватсон, – раздался во мраке голос Холмса, – окажите любезность, задержите нашего клиента. Он, кажется, сейчас задел мою ногу.

– Он хочет убежать, не заплатив! – возмутилась миссис Хадсон. – А еще профессор!

– Фы есть большой безобразник! – закричал профессор. – Фы говорит фелики сыщик, а сам нитшего не делайт! Только аппаратус!

Тут вскрикнула миссис Хадсон, в темноте грохнулось и началась возня.

– Я поймал его, Холмс! – пыхтел Ватсон.

– Сэр, я держу его! – с достоинством заявила миссис Хадсон.

– Найн! Найн! Доннерветтер! Фы есть должны меня пустить! – ругался профессор Штеленбош. – Отцепитесь мой подтяжки!

И ТУТ В ДВЕРЬ ПОСТУЧАЛИ.

– Откройте! – послышался голос. – Полиция!

– Найн! – опять закричал профессор. – Найн полиция! Я буду выписывайт ваш чек! Я честный собиратель редкость!

Миссис Хадсон побежала открывать и скоро вернулась. Луч полицейского фонаря продемонстрировал эксцентричного посетителя с ворохом одежды в руках и в спущенных подтяжках, за которые, как лошадь за повод, держал его доктор Ватсон.

Когда ушел профессор Штеленбош, а с ним вместе и констебль Джонсон, явившийся узнать, почему во второй раз нет электричества, и получивший объяснения (вернее, оправдания), великий сыщик и его друг уже сидели у камина.

– Видите, дорогой Ватсон, а вы еще упрекали меня.

– Я не упрекал вас, Холмс.

– Нет, вы меня упрекали! – уперся знаменитый сыщик. – Вы говорили, что я сорю деньгами!

– Я сказал: «Я очень тронут». Но вы в самом деле потратили целое состояние! Весь гонорар этого Штеленбоша уйдет на штраф Северо-западной электрической компании. На что мы будем жить?!

Доктор представил, как обитатели дома 221Б по Бейкер-стрит живут на его скромную пенсию и опечалился.

Но Шерлок Холмс сказал:

– Ох, Ватсон, какой вы все-таки бол… я имел в виду, вам недостает воображения. Это же естественно! Во-первых, как вы могли заметить, профессор – человек нервный. У него так тряслись руки от страха, что он приписал к чеку лишний ноль, чем несколько увеличил наш доход. А во-вторых, пока не было света, ограбили ювелирный магазин на Холлборн и банк на Оксфорд-стрит. А из магазина Фигсли-и-Пиксли вынесли особо ценную ванну и русские часы в малахитовом футляре "Hoziayka Mednoy Gory". Я не знаю, что такое Mednoy Gory, но Hoziayka – это нечто вроде миссис Хадсон. «Миссис Хадсон Mednoy Gory». Удивительные часы, я не раз видел их в витрине. Очень большие и тяжелые.

Сыщик рассмеялся.

– Ерунда какая-то: вынести их мог только человек огромного роста и силы. Тем не менее, часы свистнули. А все жертвы преступлений придут куда?

Голос его сделался таким ласковым, каким говорят обыкновенно с очень маленькими и очень капризными детьми. Доктор Ватсон что-то неразборчиво промычал.

– Правильно, ко мне, – согласился Холмс. – Так что на какое-то время мы с вами обеспечены.

В эту минуту другие часы – старинные часы в гостиной на Бейкер-стрит, 221Б пробили полночь. Первую полночь 1900 года.

Начинался двадцатый век.

Чем болели викторианцы

Однажды в самый разгар холодной зимы 1900 года знаменитый сыщик Шерлок Холмс со своим другом доктором Ватсоном сидели у камина в гостиной. Точнее, это доктор Ватсон сидел у камина. А Шерлок Холмс пилил на скрипке.

– Знаете, Холмс, – неожиданно произнес доктор, – а ведь я пишу книгу.

– Нашли, чем удивить, – фыркнул сыщик.

Доктор обиделся.

– Но ведь я пишу совсем не о вас, Холмс.

Великий сыщик так и подскочил.

– КАК!

– Не могу же я все время писать о наших с вами похождениях, – доктор Ватсон пожал плечами. – Я все-таки врач. Я хочу написать для потомков. Это будет нечто вроде обзора самых обычных болезней и лекарств нашей эпохи.

Холмс продолжал терзать свою скрипку.

– Двадцатый век, – голос доктора зазвучал торжественно, – начался. Совсем скоро люди станут другими. Жизнь станет другой. И если мы не оставим о себе память, через какие-нибудь жалкие сто лет никто уже не будет знать, какой была медицина в эпоху Шерлока Холмса!

Холмс уронил скрипку.

– Вы так думаете? – спросил он, нагибаясь, чтобы ее поднять.

– Я в этом уверен.

– А мне почему-то кажется, что ни через сто лет, ни через двести, ни вообще в каком-либо будущем ничего существенно не изменится.

– Как вы можете так говорить! – вскричал Ватсон. – В наше время, когда появляется столько всего нового! Когда человек вот-вот одержит победу над болезнями, которые считались неизлечимыми! Когда наука и техника идет семимильными шагами!

– Какими шагами?

– Семимильными!

– Гм, – сказал сыщик.

В гостиной на Бейкер-стрит повисла тишина. Холмс сел в кресло напротив доктора и задумался.

– Первым делом, – не очень решительно произнес доктор Ватсон, – я бы сказал о диспепсии.

– Удивительно, что диспепсией называют любые неприятности с желудком, – проворчал Шерлок Холмс. – Ватсон! Это же непонятно! А что, если у меня…

– Не надо, Холмс, я понял, – остановил его доктор. – Дело в другом. Удивительно, что в наше время неприятности с желудком встречаются буквально на каждом шагу!

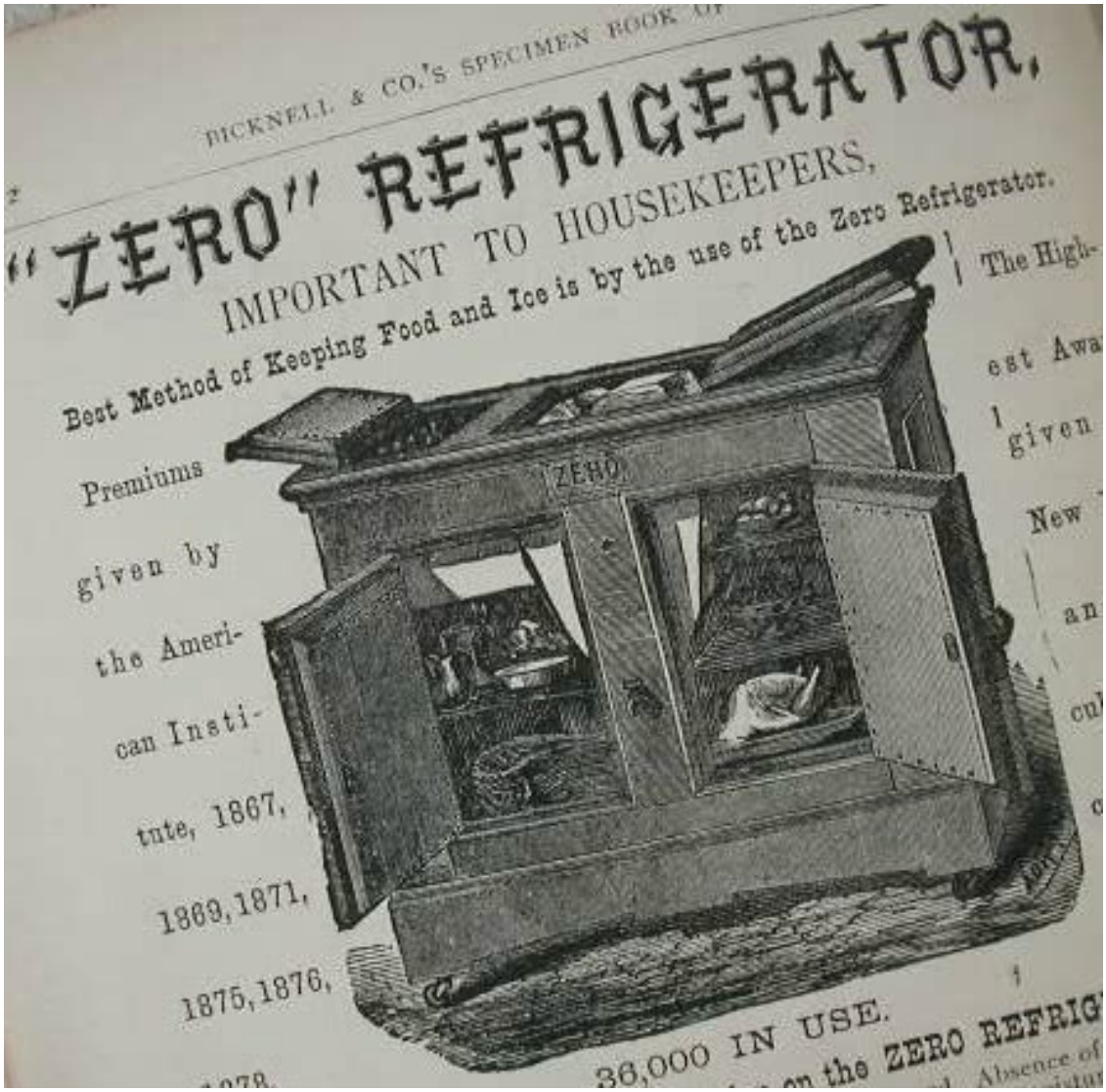
Но знаменитый сыщик только махнул рукой.

– Это неудивительно, – сказал он. – Простая дедукция. Вы слышали о «Зеро»?

– Признаться, нет…

Ватсон ужасно смутился. Ведь это он ворчал на Холмса, что тот не хочет знать ничего, кроме того, что ему нужно для работы.

– Это такой охлаждающий шкаф, – сказал Шерлок Холмс. – Американской работы. Я видел его в 1889 году на Всемирной Выставке в Париже. Вообразите себе этакий низкий тяжелый буфет, напоминающий внутри банковский сейф. У него два этажа, а сверху, в крышке, открываются дверцы – этакая небольшая камера для особо портящихся продуктов. Так вот, мой дорогой Ватсон, если бы такое устройство было в каждом доме, люди не мучились бы от диспепсии.



Охлаждающий шкаф, или рефриджератор, «Зеро»

– Почему же этого не происходит? – удивился доктор Ватсон.

– Естественно! – Шерлок Холмс поднял палец. – Это очень сложный аппарат. Во-первых, эфир, при помощи которого производится охлаждение, ядовит. Во-вторых, это дорогая и громоздкая вещь. Нужен компактный электромотор. Нужно сильное, хорошее водонагревающее устройство – разумеется, портативное. Нужен испаритель чрезвычайно высокой теплоемкости. Словом, это очень сложный прибор. На него потребуется много времени. Вот почему ледяной шкаф остается прерогативой флота, железных дорог и крупных фермеров.

– Флота? – удивился Ватсон.

– Разумеется, друг мой! Разумеется флота! Как вам в голову не пришло: порох! Как только появился бездымный порох, сейчас же появились ледяные шкафы. Иначе хранить его на борту было бы просто опасно. Ватсон, вы меня удивляете.

– Это вы меня удивляете, мистер Шерлок Холмс, – доктор произнес имя своего друга раздельно, ироническим тоном. – Мы с вами договорились беседовать о медицине, а вместо этого…

– Умолкаю-умолкаю, – Холмс замахал руками. И даже взял скрипку, чтобы сопровождать рассказ доктора. Но вдруг остановился.

– Миссис Хадсон! – позвал он. – Миссис Хадсон! Принесите-ка мне хороший кусок баранины!

– Следуя вашему методу, диспепсия неизбежна, – заметил доктор Ватсон. – Эта баранина стоит в буфете со вторника – три дня!

– Ерунда, мы ее сейчас съедим, – сыщик легкомысленно рассмеялся. – Но если мы этого не сделаем, то уже завтра…

– Завтра я приправлю баранину чесночным соусом! – сообщила миссис Хадсон, входя в гостиную. – И положу к ней пикули[3]

[3] Пикули – это такие маленькие-маленькие маринованные овощи. Огурцы, или там помидоры, или лук, чеснок, или даже все это вместе, в одной банке, называется пикули.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.